

Спасо-Парголово-Листок протоиерей Владимир Шамонин (Материалы к жизнеописанию)

Часть 14 О. ВЛАДИМИР И БОЖИЯ МАТЕРЬ НЕВСКАЯ СКОРОПОСЛУШНИЦА

греко-афонского письма сер. XIX века в серебряной ризе, с венцом, украшена самоцветными камнями... 139. (из «Алтарь, диаконник и жертвенник» - О.К.) Божия Матерь Скоропослушница современного письма, в серебряном окладе, с венцом, украшена камнями (заменяет подлинную икону во время выездов на молебны).» Об этом же свидетельствуют и воспоминания Зои Владимировны Шамониной об отце: «Когда икона Божией Матери в храме отсутствовала, временно вставляли копию, которую не все могли отличить от настоящей. Дети особенно любили смотреть, как это делается, и, войдя в храм, сразу разглядывали — чудотворная или копия?». Естественно, что в понятие «дети», Зоя Владимировна включала и себя...

Вот как описывались «выезды» иконы в этих воспоминаниях: «...икону носили и возили с извозчиком по домам, где также служились молебны.

На улицах часто можно было видеть проезжавшего извозчика со священником и псаломщиком, между которыми в специальном футляре стояла икона Божией Матери. Встретный народ становился на колени и кланялся.

Если к кому-то привозили икону и жильцы соседних квартир узнавали о том, то выходили на лестницу, во двор, выносили или выносили детей или больных. Часто мимоходом, по просьбе людей, икону заносили и в другие квартиры. А некоторые просто ходили по улицам на случай, если вдруг проедут с чудотворной иконой.»

Даже рама, в которой переносили икону — и та была драгоценной, принесённой в дар Божией Матери. Среди похищенных вещей в 1922 году значилась и она...

Каждую среду в храме перед иконой служился большой молебен с акафистом, од-

к отчёту за истекший 1928 г. «...молебны на дому с выносом чудотворной иконы Божией Матери до июня месяца практиковались, как и во всех храмах, а с июня месяца сего года такие молебны были прекращены, вследствие запрещения Столом Регистрации Обществ и Союзов выносить из храма какие-либо предметы, принадлежащие храму».

Этот же доклад свидетельствовал: «имеющаяся в нашем храме икона Владычицы нашей Царицы Небесной Скоропослушницы влечёт в наш храм верующих и приток добровольных пожертвований до сих пор не оскудевает...». Это утверждение не голословно. В 1920-е годы начались для церкви тяжёлые времена. Попав из тепличных условий императорской России во враждебную атмосферу, церковь стала стремительно «съезжаться». Все меньше становилось прихожан — многие теряли веру под давлением антирелигиозной пропаганды, а многие и вовсе в былые времена ходили в храм «по обязанности». Теперь эта необходимость для них отпала. И хотя самые тяжёлые времена были ещё впереди, второе десятилетие XX века повлекло и закрытия храмов, и появление священников, потерявших место служения, обречённых на нищенское существование. В эти годы на каждую освободившуюся вакансию священника, диакона, псаломщика, алтарника подавались десятки заявлений. Барградский храм, благодаря своей великой святыне оставался богатейшим. Но в сложившихся условиях, приход чем мог помогал другим приходам и потерявшим место священнослужителям. В частности, в документах сохранились свидетельства об обратившихся за помощью в храм священнослужителях и членах их семей,

иконой представителям других храмов, монастырей и общин. Сохранилось дело, охватывающее период с конца 1926-го г. по конец 1930-го г., на основе которого можно составить список тех, кому Барградским приходом была оказана помощь таким способом. В этот период собирались средства для: Дивенской Тихвинской церкви; Тихвинской церкви Александро-Невской Лавры; церкви Св. царицы Александры на Лермонтовском пр.; прихода Святителя Николая в Ям-Ижоре; Церкви Покрова Пресвятой Богородицы и муч. Вонифатия на Боровой ул. (неоднократно); Воскресения Христова на Волковом кладбище; Александровской общины г. Слущка; Неоднократно и часто — Борисоглебскому храму на Синонской наб. (почему — требует отдельного пояснения и мы к нему ещё вернёмся); Пригородной Смоленской церкви; Тихвинскому храму в Лесном (неоднократно); Русско-Эстонской Исидоровской церкви (неоднократно); собору Феодоровской иконы Божией Матери (неоднократно); Богоявленской церкви на Гутевском острове (неоднократно); Свято-Троицкой церкви Петергофского викариатства (село Гора-Валдай); церкви Всех Святых за Нарвской Заставой; церкви преп. Серафима Саровского за Нарвской заставой; храму-памятнику морякам, погибшим в Русско-Японскую войну; Спасо-Преображенской церкви Фарфорового завода (неоднократно); церкви Святой Троицы за Нарвской заставой; Троицкому собору на Петроградской стороне; Кингисеппскому (Ямбургскому) собору; Бабигонской церкви св. мученицы царицы Александры; Спасо-Преображенскому собору; Преображенской церкви в Лесном; Церкви Воскресения Христова в с. Яблоницы; Зеленецкому монастырю (неоднократно); Киево-Печерской Лавре (неоднократно); церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы на ш. Революции; Воскресенскому Новодевичьему монастырю; Сусанинской церкви во имя Казанской Иконы Божией Матери; церкви Михаила Архангела за Нарвской Заставой; Исаковской Скорбященской церкви; Клобутицкой Преображенской церкви; Серафимовской церкви в Старом Петергофе; Пятогорской Троицкой церкви.

Вся эта помощь не воспринималась как «помощь от Барградского храма». Она воспринималась как «помощь от Скоропослушницы». Простодушные искренние верующие относились к любимой святыне, как к живой Божией Матери. И это видно по таким строкам воспоминаний Зои Владимировны Шамониной:

«Удивительно, но лик Божией Матери часто менялся, становился то печальнее, то радостнее, то бледнее, то розовее, то серьезнее, то ласковее. Это знали все. Приходилось слышать: «Сегодня Божия Матерь на нас сурово посмотрела»; или: «Матерь Божия улыбается нам». Во время Литургии, когда служил отец Владимир, лик сиял. Кто пришел не к началу службы, сразу определял, взглянув на икону, кто служит — отец настоятель или нет...»

«...Но вот в начале 30-х гг. (1932 г. — О.К.) пришёл приказ о закрытии Николаево-Александровского храма. Лик Божией Матери потемнел и опечалился. Отец Владимир выхлопотал, чтобы чудотворную икону Божией Матери «Скоропослушница» не передавали в музей. Вскоре его перевели в храм Бориса и Глеба на Неве... Туда же переместили и икону из закрытого храма...». Так о. Владимир остался хранителем «Скоропослушницы». Их разлучили только арест и дальневосточное лагерное заключение батюшки...

Олег Куликов

продолжение следует

Мозаичное изображение Невской Скоропослушницы над внутренней стороной Святых врат Александро-Невской Лавры

нако, малые молебны служились зачастую множество раз в день. Снова обратимся к воспоминаниям Зои Владимировны: «молебны перед иконой Божией Матери заказывались в течение всего дня. В дежурной комнате всегда находился священник, по звонку выходивший служить молебен. Молебны были, главным образом, просительные, об исцелении от болезней. Больные приносили, приводили и привозили. Служились и заочные молебны, если больные не могли приехать издалека. Поминальных записок собиралось такое множество, что можно: бельевые корзины, наполненные ими, только благословлялись служившим священником — крестом, рукой, Евангелием... Подходить и прикладываться к чудотворному образу Божией Матери позволялось в любое время (за исключением моментов из Литургии верных) — иначе все в течение дня и не успевали бы».

Икона считалась источником многих чудес и исцелений. В храме находился журнал, куда они записывались. У о. Владимира Шамонина сохранились выписки из этого журнала, которые процитировала в воспоминаниях его дочь: «1. Заброшенная больная женщина в своей квартире — общий рак с метастазами (грязь, зловоние; никто не выдерживал до конца молебна — рвало, падали в обморок). После молебна исцелилась. 2. Бесноватая девушка, голова которой в припадке повернулась прочь от иконы и в таком неестественном положении осталась, исцелилась вскоре после молебна. 3. Скрюченный мужчина, почти недвижимый, исцелившись, стал участвовать в пеших паломничествах к святыням. 4. Парализованная портниха после своего исцеления от иконы перешла на шитье только церковных облачений. 5. Пьяница, пришедший со всей своей семьей в храм на усердную молитву о себе, совершенно перестал пить...»

Вскоре практика выездных молебен повсеместно была пресечена властями. Прочитируем доклад Президиума Двадцатки Николаево-Александровского Барградского храма Общему Собранию верующих

и эту помощь получивших. Приведём некоторые имена из архивного дела храма (некоторые из упомянутых просителей получили помощь неоднократно, а иные — и регулярно):

Иеромонах Дамиан Воронов из Троице-Сергиевой пустыни (просьба о милостыне на семена 2 / 15 октября 1922 г. Благодарность за получение 300 миллионов рублей).

5 апреля 1925 г. прошение протоиерея Василия Фомина — получил единовременное пособие к Пасхе.

Свящ. Александр Ильинский, находившийся более 2 лет без места службы просил финансовую помощи «ежемесячной, или единовременной». Выдали 5 рублей (середина 1920-х гг.).

Июль 1926 г. прошения о денежной помощи о. Серафима Архангелова и о. Симеона Солодовникова (бывшего протоиерея Исаакиевского собора).

Пасхой и Рождеством 1927 г. датируются просьбы о финансовой помощи вдовы протоиерея Казанского Собора Дмитрия Васильевича Рождественского Антонины Рождественской. Помощь она получила.

Заштатный архимандрит Геннадий неоднократно получал финансовую помощь с 1927 г.

1927 г. — прошение «Скорбященской на Стеклянном церкви» протоиерея А. Орлова: «2 августа сего 1927 г. по распоряжению гражданской власти наша церковь и часовня переданы обновленцам. Я и остальные члены причта, не желавшие служить с обновленцами, остались без места. Моё положение, как человека много-семейного (семь малолетних детей) самое тяжёлое и даже ужасное...» — получил от храма финансовую помощь.

1927 г. — просьба о финансовой помощи священника Юлиана Казимировича Койятевича — удовлетворена.

Это — далеко не исчерпывающий список имён.

Кроме денежной помощи отдельным людям, существовал и иной способ — помощь храмам и приходом. Она заключалась в решении собирать пожертвования во время богослужений в храме и молебнов перед

Став настоятелем Барградского храма о. Владимир Шамонин стал и главным хранителем одной из величайших, как она воспринималась тогда, в тяжёлые 20-е — 30-е гг., святынь Петрограда — иконы Скоропослушницы Невской. Эту часть нашего изложения мы посвятим бытию этой иконы в советское время в Николаево-Александровском Барградском храме. О её истории, чудесном прославлении и начальном почитании мы рассказывали в 12-й части этой статьи.

Интересно, что икона для храма, несмотря на обилие в нём древних святынь-реликвий, была, практически, главным сокровищем. Храм зачастую даже называли в её честь «храмом Скоропослушницы» (что попадает даже в официальных документах), а не по названиям алтарей.

Об отношении к иконе и её важности для храма говорит, например, заключение «Докладной записки общему собранию верующих на годовом отчёте за 1926 год». Замечательно, что даже подобные документы, которые по требованию советского законодательства должны были быть представлены в официальные органы, несут в себе исповедание веры и звучат как ироничный вызов безбожной власти: «...Деятельность двадцатки в истекшем году как всегда была направлена в первую голову к удовлетворению духовных потребностей группы верующих, т.е. к благолепному и благоговейному совершению богослужений в храме, для сего содержался соответствующий причт и хор, и служащие; и во-вторых, большое внимание было обращено на достаточное отопление храма, а также и на освещение его. Таким образом, все необходимые нужды и потребности культа с Божией помощью при заступничестве Богоматери двадцатке удалось в истекшем году осуществить, надеемся, что Матерь Божия Наша Скоропослушница наставит нас и впредь Своєю помощью».

Как мы уже и писали, огромное народное почитание «даровало» иконе весьма богатый «наряд» — серебряный оклад, усыпанный самоцветами, перед иконой горела негасимая лампада, богатая и громадная. На эти сокровища посягала и власть (в ходе изъятия церковных ценностей) и воры. Известно, что при изъятии ценностей, богомольцы выкупали драгоценную лампаду, пожертвовав иконе, об этом мы тоже уже упоминали в 11-й части.

В первые годы советской власти обычай возить икону по домам на молебны и в другие храмы продолжался, о чём свидетельствует документ, составленный ещё при предшественнике по настоятельству о. Владимира Шамонина, священнике Викторе Семенове, о трагической судьбе которого мы уже рассказывали. Это Протокол №2 заседания Приходского Совета Барградского храма от 6/19 января 1922 г.: «Определённой платы за посещение с иконой Скоропослушницы частных квартир не устанавливать, а принимать добровольное пожертвование. Причём просить жертвователей собственноручно вписывать жертвуемую сумму...»

О посещениях с иконой Скоропослушницы церквей по приглашению с оставлением иконы на ночь: оставлять икону только на всенощные и раннюю обедню с обязательными условиями к 10 часам утра быть в своём храме. При этом посещение частных квартир не допускается. Церквам, приглашающим икону ставить в устье одну треть полученного ими дохода предоставлять в пользу Барградского храма, 50% оставлять в пользу причта храма».

В то время, когда иконы на своём месте не было, на её место выставляли копию, обычно находившуюся в алтаре. В списке икон, риз и утвари, который мы цитировали в части 13-й, обе иконы описаны так: «10. Божия Матерь Скоропослушница